

О ЯНВАРСКИХ БОЯХ В БЕРЛИНЕ В 1919 ГОДУ

П. Манова

Ноябрьская буржуазная революция в Германии в 1918 г. свергла монархию Гогенцоллернов и установила буржуазную республику. Революция совершена была рабочими и солдатскими массами под революционизирующим влиянием Великой Октябрьской социалистической революции в России против воли германской буржуазии.

Ни одна буржуазная партия не хотела революции, не хотела её и социал-демократия. Вместе с буржуазией и юнкерством она всеми средствами пыталась спасти монархию. Когда же революцию предотвратить не удалось, буржуазно-юнкерский блок и вожди социал-демократической партии объединились для совместной борьбы против дальнейшего развития революции.

Социал-демократы, предававшие интересы рабочего класса и немецкого народа во время империалистической войны, после революции взяли на себя роль спасителей капиталистического строя.

Стремясь к упрочению власти буржуазии, социал-демократическое правительство оставило весь старый аппарат государственной власти. Была сохранена кайзеровская армия, которая должна была служить для подавления революционного движения.

Наиболее дальновидные представители военного командования учитывали, что при создавшихся условиях союз с социал-демократией являлся лучшим выходом.

Союз помещиков и буржуазии с социал-демократами был закреплён соглашением между предпринимателями и вождями профсоюзов¹. Подписанием соглашения с капиталистами социал-демократические вожди профсоюзов поставили профсоюзные организации на службу капиталистам.

К концу войны Германия стояла перед хозяйственным кризисом. Продовольственное положение было катастрофическим. В результате контрреволюционной политики правительства Эберта—Шейдемана вся тяжесть этой катастрофы легла на плечи рабочего класса. На первом заседании Берлинского совета 10 ноября правительству было предложено конфисковать запасы хлеба у помещиков и членов 22 свергнутых революцией династий², но правительство, разумеется, этого не сделало.

Положение трудящихся ухудшалось с каждым днём. Росла дороговизна; цены на продукты питания поднялись в два с половиной раза; вздорожала одежда. В то же время заработная плата оставалась прежней. Ко всему этому прибавилась всё увеличивавшаяся безработица. Предприниматели сокращали производство или закрывали предприятия, прибегая к этим мерам как к средству удушения революции. На 24 декабря в одном только Берлине насчитывалось 100 тысяч безработных³.

«Социалистическое» правительство не только не боролось с саботажем предпринимателей, но принимало постановления в пользу капиталистов и помещиков.

¹ См. Merker P. Deutschland — sein oder nicht sein, S. 50. Mexico, 1944.

² «Die Freiheit», 20 ноября 1918 года.

³ Там же, 24 декабря.

Исполнительный комитет советов, состоявший в большинстве своём из правых социал-демократов, помогал проведению контрреволюционной политики Совета народных уполномоченных, которому он передал исполнительную власть. Советы, таким образом, лишились всякой власти, им оставалось лишь призрачное «право контроля».

Контрреволюционная политика социал-демократов способствовала тому, что буржуазия и после революции сохранила своё экономическое господство: в её руках остались вся промышленность и банки. Юнкерство также сохранило свои экономические позиции.

Для понимания истории развития ноябрьской революции очень важно установить тот факт, что, вопреки предательской политике социал-демократов, вопреки их старанию навести «порядок и спокойствие» на предвзвешенных, с конца ноября по всей стране прокатилась мощная волна стачек и массовых демонстраций, которые носили в значительной мере политический характер.

Горнорабочие Верхней Силезии забастовали через три дня после подписания соглашения между предпринимателями и руководителями профсоюзов (18 ноября). В это же время забастовку начали горняки Рурской области. В Берлине в конце ноября забастовали металлисты, за ними последовали рабочие других отраслей. Объявили забастовку и печатники, объявившие «мирными».

Особенно остро проходила борьба рабочих в Рейнско-Вестфальской области. Забастовочное движение, начавшееся в ноябре, в декабре приняло ещё более широкие размеры. Рабочие требовали социализации. Когда стало известно, что правительство не намерено проводить социализацию горной промышленности, рабочие стали сами осуществлять её. Выбрались рудничные советы, директора и управляющие изгонялись. Рабочие заставляли предпринимателей повышать заработную плату.

В Дюссельдорфском округе в конце декабря дело дошло до того, что в Гамборне, крупном центре металлургической промышленности, рабочие осадили городскую ратушу.

Для усмирения рабочих правительство посылало войска. Многие стачковладельцы организовали свою собственную вооружённую охрану. В промышленные районы посылались специальные карательные экспедиции, состоявшие из крупных частей войск⁴. Реакционная военщина, призванная правительством на помощь предпринимателям, с рвением взялась за дело и чинила кровавую расправу с рабочими.

Стачками и демонстрациями рабочие массы выражали свой растущий протест против политики правительства. Спартаковцы приветствовали эти выступления. В статье, помещённой в газете «Die Rote Fahne» под заголовком «Ахерон в движении», Роза Люксембург писала, что массовые забастовки рабочих свидетельствуют о том, что отношения между трудом и капиталом ещё несколько не изменились и пролетариат поднимал знамя классовой борьбы⁵.

В своей внешней политике правительство ориентировалось на империалистические государства и прежде всего на США. Вражда к Советской России объединяла «социалистическое» германское правительство с силами мировой реакции. «Народные уполномоченные» отказались восстановить дипломатические отношения между Германией и Советской республикой, разорванные в канун ноябрьской революции путём провокации. Когда советское правительство предложило послать голодающим немецким рабочим 25 вагонов хлеба, член правительства независимец Гаазе отверг это предложение. Правительство предпочло

⁴ См. «Illustrierte Geschichte der deutschen Revolution», S. 248.

⁵ «Die Rote Fahne», 27 ноября 1918 года.

получить продовольственную помощь от Америки ценой закабаления Германии американским капиталом.

Социал-демократическое правительство старалось привлечь американских капиталистов к борьбе против революции в Германии. 14 ноября стало известно, что Эбертом была послана президенту США нота следующего содержания: «Германское правительство просит правительство Соединённых Штатов сообщить по радио германскому рейхсканцлеру (Эберту. — П. М.), может ли он рассчитывать на то, что правительство Соединённых Штатов готово выслать в Германию продовольствие при условии, если в Германии будет сохранён порядок и если будет обеспечено справедливое распределение продовольствия»⁶.

Предательский призыв Эберта к шантажу голодающего немецкого народа американскими миллиардерами получил отклик. Ответ Вильсона на ноту Эберта был опубликован во французской правительственной газете «Temps» от 16 ноября. «Temps» сообщала, что Вильсон остерёгся связываться с Эбертом по радио, а передал свой ответ через швейцарское правительство. Он не обещал немедленной продовольственной помощи Германии, но согласился связаться непосредственно с германским правительством лишь при условии, если в Германии будет обеспечен общественный порядок.

Добиваясь упрочения власти буржуазии при помощи Антанты, Эберт предавал национальные интересы народа. Союз с Антантой означал подчинение Германии антантовскому империализму, возложение всех тягот, вызванных поражением в войне, на плечи рабочего класса.

Как видим, с первых дней революции рабочему классу Германии противостояла прекрасно организованная буржуазия, сохранившая в своих руках, при помощи социал-демократии, политическую и экономическую власть и вооружённые силы. Она сохранила также свои многочисленные политические организации.

Подготавливая силы для разгрома рабочих, буржуазия не жалела средств для создания специальной белой армии и контрреволюционных организаций, которые, как мы увидим ниже, скрывались под самыми невинными названиями.

Кайзер Вильгельм II был свергнут ноябрьской революцией, но его генералы во главе с фельдмаршалом Гинденбургом остались на своих местах. Они сохраняли в армии старые прусские традиции и поставили её на службу контрреволюции. Штаб верховного командования стал одновременно и штабом военной контрреволюции.

Во всех своих действиях верховное командование пользовалось не только полной поддержкой, но и содействием правительства. 12 ноября в телеграмме, адресованной Главной ставке, правительство отдало распоряжение о сохранении командного положения офицеров. В § 3 было сказано: «Советы солдатских депутатов, в интересах поддержания доверия между офицерами и солдатами, получают право совещательного голоса по вопросам продовольствия, отпусков и назначения дисциплинарных взысканий. Их первейшей обязанностью является предупреждение беспорядков и бунтов»⁷. Этим распоряжением правительство не только лишало солдатские советы всякой власти, но и пыталось превратить их в органы борьбы против революции.

Военное командование, стремясь предупредить возникновение подлинных солдатских советов, которые стихийно создавались немецкими солдатами под влиянием Октябрьской социалистической революции в России, сздавало лжесоветы. 16 ноября начальник генерального штаба издал распоряжение, в котором говорилось: «Нужна предохранительная

⁶ «Die Rote Fahne», 28 ноября 1918 года.

⁷ Приведено у Р. Мюллера. Мировая война и германская революция. Т. II, стр. 277. Москва. 1925.

живка. Солдатские советы как инстанция для жалоб, как совещательный орган нужны в войсках для того, чтобы сделать их способными противостоять радикальным течениям. Связь с солдатскими советами внутри страны, резкий отпор радикальным элементам будут лучше достигнуты через солдатские советы, чем через офицеров... Без советов в войсках не обойтись...»⁸.

В то же время среди фронтовых солдат, по указанию командования, велась агитация против рабоче-солдатских советов в стране, внушалась мысль, что они вредны для Германии. Частям армии, возвращавшимся с фронта, было предписано обращаться по всем вопросам в старые учреждения, а рабоче-солдатские советы и прежде всего те из них, которые находились под влиянием радикальных политических элементов, разгонять.

Эта агитация возымела известное действие. Были случаи, когда спровоцированные офицерами солдаты нападали на местные советы и дело кончалось кровопролитными столкновениями. Так, например, было при возвращении четвёртой армии, находившейся под командованием генерала Сикста фон Арнима, в Аахене, Дюссельдорфе, Ремшейде и Эссене. В Крейцнахе офицеры, к торжеству местной буржуазии, сожгли красные знамёна.

Одновременно командование подготавливало «надёжные» части для того, чтобы начать решительную борьбу против советов и республики. Сведения о деятельности командования в этом направлении дают протоколы I Всегерманского съезда советов. Делегат съезда независимец Брасс огласил на заседании 17 декабря строго секретный приказ по 11-й армии от 16 ноября 1918 г., которым командованию каждого корпуса предписывалось выделить по одной наиболее активной дивизии с целью сохранения её и после демобилизации.

В приказе говорилось: «Дивизии должны состоять из возможно большего количества активных офицеров, достаточно обеспечены всякого рода оружием, снаряжением, обозами, вспомогательными частями для боёв на близком расстоянии... ненадёжные элементы должны по возможности незамедлительно удаляться».

Однако все попытки командования оградить фронтовые войска от «разлагающего» влияния революции не имели успеха. По мере того как войска продвигались в глубь страны, они становились для буржуазии всё менее надёжными.

Правительство с первых дней революции стремилось создать свою собственную надёжную гвардию. 9 ноября Эберт вызвал матросов из Куксгафена для «охраны республики»; по распоряжению Вельса через несколько дней из Килия прибыло ещё 2 тысячи матросов. Матросы были объединены в «Народную морскую дивизию». Командиром дивизии был назначен граф Вольф Меттерних, личный друг Вильгельма II, тесно связанный с дворянской кликой. Однако все старания Меттерниха не имели успеха. Общение с берлинским пролетариатом привело к проникновению в дивизию революционных элементов, и правительству так и не удалось сделать её «надёжной». Матросы избрали свой совет, названный «Комитетом пяти».

Созданную 18 ноября комендантом Берлина социал-демократом Вельсом и его помощником Антоном Фишером⁹ «Республиканскую охрану», численностью около 15 тыс. человек, также не удалось сделать слепым орудием контрреволюции. В ноябре — декабре 1918 г. в Берлине и по всей стране стали возникать, как грибы после дождя, контрреволюционные организации. «Всё чаще и чаще приходили сообщения, что контррево-

⁸ Приведено в «*Illustrierte Geschichte der deutschen Revolution*», S. 220.

⁹ А. Фишер, воспитанник иезуитов, затем монах, стал руководителем социал-демократической молодёжи.

люционные круги готовятся силой подавить революцию»¹⁰, — пишет в своих воспоминаниях полицай-президент Берлина левый независимец Эйхгорн.

К концу ноября командование начало стягивать к Берлину войска. Гинденбург обратился к солдатам с призывом к уничтожению радикальных элементов. 2 декабря были введены в Берлин гвардейские части, которые маршировали под кайзеровскими знамёнами, во главе с офицерами. Солдатских советов в этих частях не было. Реакционное офицерство провело ряд секретных совещаний с участием комендатуры Берлина, на которых готовилось выступление. Буржуазная пресса распространяла сенсационные сообщения, направленные против «Спартака» и революционных рабочих; эти сообщения вызывали беспокойство в населении города. По улицам расклеивались плакаты с призывом к убийству вождей «Спартака» и всех «виновных» в революции. К убийству вождей «Спартака» призывали тысячи анонимных листовок¹¹.

Контрреволюция готовила выступление, цель которого заключалась в ликвидации советов в Берлине и образовании буржуазного правительства во главе с Эбертом в качестве президента.

Однако предпринятое 6 декабря выступление контрреволюции не удалось благодаря вмешательству рабочих, поспешивших на выручку Исполнительного комитета, который заговорщики пытались арестовать.

После этого военное командование, действуя совместно с руководителями социал-демократии, стало стягивать войска к Берлину для нанесения нового удара по революционным силам. Генерал Гренер рассказывает, что 8 декабря он и Гинденбург договорились по тайному проводу с Эбертом о вводе в Берлин 10 дивизий, с помощью которых они решили вырвать власть из рук советов и очистить Берлин от революционных элементов¹².

Командование войсками, прибывавшими в окрестности Берлина, было возложено на генерала Леки. Большая часть войск была размещена между Потсдамом и Берлином. Штаб вновь организованного корпуса Леки объединял гвардейскую кавалерийскую дивизию, гвардейскую стрелковую дивизию и 1-ю гвардейскую дивизию. Войска Леки не признавали советов. В Потсдаме солдаты сорвали красные флаги. Желая скрыть количество прибывавших войск, штаб отдал приказ начальникам вокзалов не давать сведений о войсках, которые будут прибывать по ночам¹³. 14 декабря в «Vorwärts» уже было опубликовано распоряжение правительства о сдаче гражданами оружия. Неисполнение этого распоряжения каралось тюремным заключением до 5 лет и денежным штрафом до 100 тысяч марок.

Однако старая армия оказалась всё же недостаточно «надёжным» оружием в борьбе против революции. Под воздействием революционных элементов внутри страны она расслаивалась и распадалась. Вот почему на верховное командование была возложена задача — создать специальные войска.

6 декабря 1918 г. в главной квартире войсковой группы Сикста фон Арнима в Падеборне состоялось совещание генералов и офицеров генерального штаба. На этом совещании, созванном под предлогом обеспечения защиты восточных границ Германии, обсуждался план борьбы «против большевиков и поляков», а также план подавления революции в стране. Этот вопрос, повидимому, обсуждался уже ранее, так как генерал Меркер явился на совещание с разработанным планом формиро-

¹⁰ См. Eichhorn E. Ueber die Januar-Ereignisse, S. 39.

¹¹ См. «Die Freiheit», 7 декабря 1918 года.

¹² «Der Dolchstoß», S. 224. München. 1925.

¹³ См. «Die Freiheit», 9 декабря 1918 года.

ения добровольческой армии. План получил одобрение высшего командования.

Ядром создаваемой армии должны были быть офицеры, которые были обязаны обеспечить «дисциплину», т. е. беспрекословное повиновение приказам командования. Политические воззрения офицеров строго проверялись, и на командные должности назначались лишь монархисты, которые и после революции не изменили своих убеждений.

Опасаясь влияния на солдат со стороны революционных рабочих, командование формировало и обучало войска вдали от больших городов и содержало их в строгой изоляции от населения.

Основная задача добровольческой армии учитывалась и при построении входящих в неё воинских частей. Она состояла из небольших подвижных отрядов, имевших в своём распоряжении все виды оружия и приспособленных к условиям уличных боёв. Вот что об этом пишет генерал Меркер: «Я формировал вместо частей, состоящих из отдельных видов оружия, смешанные отделения... К этому меня побуждало соображение, что для борьбы внутри страны, по всей вероятности, потребуется большое количество небольших соединений... Снабжая каждую роту взводом тяжёлых пулемётов и миномётов, я делал их способными к выполнению различных задач уличного боя»¹⁴.

Через несколько дней после совещания в Падеборне уже был сформирован корпус Меркера, получивший название «Добровольческого пехотного егерского корпуса».

Добровольческими войсками командовали известные своей реакционностью генералы Лютвиц, Гюльзен, Сикст фон Арним и др. Капиталисты не жалели денег на содержание этих войск. Покровители добровольческой армии «принадлежали к индустрии и сельскому хозяйству... Они всё менее надеялись на правительство, а больше на войска, которым они платили»¹⁵, — писал Бухрукер.

Генералы, не стесняясь, открыто выражали свою приверженность монархии и кайзеру. Генерал Меркер, выступая перед своими войсками, говорил: «Я старый солдат. Я верно служил кайзеру в течение 34 лет... Я сегодня люблю и почитаю Вильгельма II так же, как 34 года тому назад, когда я ему присягал на верность»¹⁶. А воинская присяга в его корпусе гласила: «Я подчиняюсь военным законам, какими они были до 1 февраля 1918 г.»¹⁷.

В своих мемуарах генерал Меркер рассказывает, что он напрямик сказал Носке о своих монархических убеждениях и что последний не только не стал его за это преследовать, но даже заявил, что питает к Меркеру особое доверие за это откровенное признание¹⁸.

По образцу корпуса Меркера в декабре и в начале января были сформированы многие другие добровольческие части: «Гвардейская кавалерийская стрелковая дивизия» капитана Пабста, «Морская бригада Эргардта», «Добровольческий корпус Лютцова», «Добровольческий корпус Рессбаха», «Пехотный стрелковый корпус» генерала фон Редера, «Добровольческий корпус Гюльзена» и др. «Каждая рота, каждая батарея этого соединения, — пишет Ф. Гейнц о корпусе Гюльзена, — была добро-

¹⁴ Маегскер. Vom Kaiserheer zur Reichswehr, стр. 52—53.

¹⁵ Buchrucker. Im Schalten Seeckts, S. 27.

¹⁶ Маегскер. Указ. соч., S. 57.

¹⁷ Там же, стр. 53—54.

¹⁸ В доказательство особого доверия, которое питало к нему правительство, Меркер приводит факт, чрезвычайно ярко характеризующий социал-демократических предателей. Правительство получило предостерегающую телеграмму от солдатского совета крепости Боркум, в которой Меркер был комендантом в первый год войны 1914—1918 годов. В этой телеграмме сообщалось, что генерал Меркер проявил себя «как архиреакционер худшего сорта». Эта телеграмма вручена была Носке, а последний в знак доверия передал её Меркеру (там же, стр. 65).

вольческим корпусом в миниатюре, собранным и способным к самостоятельному ведению боя»¹⁹.

Эта армия, созданная реакционной кайзеровской военщиной при активном содействии социал-демократического правительства и непосредственном участии Густава Носке, была подлинно белой гвардией. Она по праву может считаться предшественницей гитлеровской фашистской армии бандитов и головорезов. Об этой преемственности свидетельствует и тот факт, что многие командиры «добровольческой армии» занимали потом командные посты и в армии Гитлера.

После провала заговора 6 декабря усилили свою деятельность как открытые, так и тайные контрреволюционные организации²⁰. Многие из них находились в Берлине. Во главе ряда контрреволюционных организаций стояли социал-демократы. Так, например, видным руководителем контрреволюционной организации, скрывавшейся под названием «Einwohnerheeren», был социал-демократ Винниг²¹, потом открыто присоединившийся к Каппу, а позднее перешедший в лагерь фашизма и ставший одним из его идеологов²². Подобная же организация была создана в Баварии с разрешения тогдашнего премьер-министра социал-демократа Гофмана.

Одним из центров контрреволюции были офицерские общества. Другим центром была организация, которая вела широкую антисемитскую пропаганду. Они были связаны между собой и, как выяснилось, участвовали в путче 6 декабря²³. При расследовании событий 6 декабря было установлено, что некий журналист Мартен вместе с комендантом Берлина с.-д. Вельсом создали тайную организацию, которая прикрывалась названием «Объединения немецких женщин для приёма войск». Эта организация распространяла свою деятельность не только на Берлин, но и на Ганновер и Кенигсберг, где имела свои конспиративные группы²⁴.

7 декабря полицайпрезидентом Эйхгорном была раскрыта контрреволюционная организация под названием «Студенческое ополчение». При обыске были найдены документы, которые раскрывали связь этой организации с упомянутым Марتنем. В организацию входили не только студенты, но и офицеры, а также представители высшего дворянства, как, например, барон фон Штумм, который щедро финансировал организацию. Эйхгорном было установлено, что «Студенческое ополчение» было организовано по заданию военного министерства при активном участии заведующего 4-м отделом министерства капитана Лоренца, генерала Врисберга и военного министра генерала Шейха. Социал-демократы комендант Берлина Вельс и его помощник Фишер также принимали участие в организации²⁵. Когда же Эйхгорн арестовал капитана Лоренца, то Эберт лично потребовал его освобождения²⁶.

Широко известна контрреволюционная деятельность так называемой «Антибольшевистской лиги», которая организовала убийство вождей революционного пролетариата Германии Розы Люксембург и Карла Либкнехта. В этой организации также участвовали социал-демократы. Существовала организация «Aufbauen und Werden», в которой участвовали социал-демократы Винниг, Циклер, Эрвин, Барт, Арио, Франке, Вальтер Эме²⁷. О классовом лице этой организации говорит тот факт, что она финансировалась такими магнатами капитала, как Стиннес и Борзиг²⁸.

¹⁹ Heinz F. Die Nation greift an, S. 30. Berlin. 1933.

²⁰ Gumbel E. Verschwörer, S. 13. Berlin. 1921.

²¹ Там же, стр. 14.

²² См. его книгу Das Reich als Republik (1918—1928). Berlin. 1929.

²³ Eichhorn E. Ueber die Januar-Ereignisse, S. 59.

²⁴ «Die Rote Fahne», 9 декабря 1918 года.

²⁵ Eichhorn E. Указ. соч., стр. 42—46.

²⁶ Там же, стр. 42.

²⁷ См. «Illustrierte Geschichte», S. 237.

²⁸ См. Fischer A. Die Revolutionskommandatur Berlin, S. 18.

Контрреволюционные организации были связаны между собой. Все они участвовали в контрреволюционном путче 6 декабря и имели общий лозунг «Красное сердце»²⁹.

Контрреволюционную роль играли и такие организации, как «Гражданские советы», «Национальные комитеты» и т. п., во главе которых стояли социал-демократы, как, например, в Бреславле Пауль Лебе, в Берлине Золман. С первых же дней революции такие организации были связаны в Карлсруэ, Мангейме и во многих других городах. При гражданских советах под руководством и на средства Ганзейского союза пролетариев созданы были шпионские организации, выполнявшие задачи белогвардейских армейских частей³⁰.

Во второй половине декабря съездом советов был окончательно решен вопрос «Советы или Национальное собрание?». Съезд, проходивший под руководством социал-демократов, принял решение против советов, в пользу учредительного собрания.

К концу декабря контрреволюция ещё более укрепила свои позиции. В это время были сформированы добровольческие войска, а многочисленные организации, созданные буржуазией, овладели многими местными органами управления.

В этой обстановке 23—24 декабря была предпринята вторая попытка осуществления плана Эберта — Гренера по разгрому берлинского пролетариата. «Что начато было 6 декабря, должно было закончиться 24-го»³¹, — пишет «Die Rote Fahne». На этот раз предметом нападения была Народная морская дивизия, которая после изгнания из неё графа Меттерниха (в связи с его участием в путче 6 декабря) внушала опасение правительству. Но и второе выступление также не имело успеха. Правительство и генерал Леки опять потерпели поражение в результате вмешательства рабочих и работниц, пришедших на помощь морякам.

Действия правительства во время «Кровавого сочельника» (как называли события 24 декабря) вызвали большое возмущение рабочих. Рабочими был стихийно захвачен правительственный орган «Vorwärts». Группа берлинских рабочих, овладевшая газетой, стала выпускать газету «Der Rote Vorwärts», в которой разоблачалась предательская политика правительства. «Кровавые события 6 и 24 декабря требуют, — писали рабочие, — чтобы правительство Эберта — Шейдемана уступило место действительным представителям пролетариата»³². Организованная спартаковцами в день похорон (29 декабря) демонстрация была особенно массоволюдной.

Для успокоения рабочих и солдат гарнизона Вельс ушёл в отставку, а генерал Леки был заменён генералом фон Лютвиц.

Борьба с вооружёнными выступлениями контрреволюции явилась политической школой для рабочих масс. Среди части революционно настроенных рабочих росло недовольство «социалистическим» правительством. Забастовки всё чаще перерастали в политические. Демонстрации, организуемые «Спартакком», становились всё многолюднее, всё чаще появлялись транспаранты с надписями «Долой правительство Эберта». Характеризуя состояние революционной борьбы рабочего класса в конце декабря 1918 г., Клара Цеткин писала: «По своему содержанию и историческому смыслу революционная борьба всё время продолжала развиваться по восходящей кривой»³³.

²⁹ «Die Rote Fahne», 9 декабря 1918 года.

³⁰ «Illustrierte Geschichte», S. 218—219.

³¹ «Die Rote Fahne», 25 декабря 1918 года.

³² Архив Музея революции в Москве.

³³ Цеткин К. Революционные бои 1919 г. и борцы революции, стр. 25. Москва, 1924.

Этот процесс полевения рабочих масс под влиянием событий, последовавших после ноябрьской революции, нашёл своё выражение и в том, что в Независимой социал-демократической партии обнаружилось серьёзные разногласия между революционизировавшейся частью рабочих — членов этой партии — и её вождями. В то время как вожди сотрудились с правыми социал-демократами, прикрывая революционной фразой своё предательство рабочего класса, революционные рабочие объединялись вокруг спартаковцев. Этими противоречиями объясняется и возникновение в Независимой социал-демократической партии в середине декабря оппозиции в лице левых независимцев.

Под давлением рабочих масс³⁴ независимцы вынуждены были выйти из правительства, скомпрометировавшего себя контрреволюционной политикой.

Особенно важным событием, безусловно, отражавшим рост революционного сознания рабочего класса Германии, явилось образование Коммунистической партии Германии на состоявшемся 30—31 декабря организационном съезде.

Буржуазия прекрасно понимала, что образование КПГ усиливало позиции рабочего класса, получившего в лице Коммунистической партии своего вождя.

В листовках и плакатах, распространявшихся в массовом количестве, буржуазия открыто призывала к борьбе против революции и к убийству вождей рабочего класса Карла Либкнехта и Розы Люксембург. За их головы были назначены награды³⁵.

К концу декабря правительство и верховное военное командование закончили свои приготовления к подавлению революции в стране и в первую очередь к разгрому революционных рабочих Берлина.

После событий 24 декабря Эберт торопил Гренера с вызовом в Берлин добровольческих войск. Об этом рассказал на мюнхенском процессе Гренер, подтвердивший, что Эберт готовился начать действовать, когда придут надёжные войска. «29-го Эберт призвал Носке, чтобы вести войска против спартаковцев; 29-го добровольческие соединения были собраны, и теперь борьба могла начаться»³⁶.

Все прибывавшие к Берлину добровольческие войска входили в состав так называемого «Отделения Лютвица». Назначение этого «отделения» раскрывает в своих мемуарах генерал Меркер. Он пишет: «Это своеобразное название штаба с расширенным командованием избрано было для того, чтобы скрыть размеры и значение предпринятых против Берлина военных мероприятий»³⁷.

По вопросу о стягивании к Берлину добровольческих войск в генеральном штабе, где помещался и штаб «Отделения Лютвица», происходили совещания с участием членов правительства. На одном из таких совещаний командующих добровольческими корпусами, пишет Меркер, обсуждались подробности вступления войск в Берлин. В совещании принимал участие только что возвратившийся из Килия Носке³⁸. Меркер пишет, что им, прусским генералам, желательно было иметь своим верховным командующим офицера, а не социал-демократа, но ближайшее знакомство с Носке показало, что этот человек сделает всё, что потребуется для усиления мощи добровольческой армии. «Даже такой закоренелый старопрусский офицер, как генерал Лютвиц, до мозга костей убеждённый

³⁴ Гейльман пишет, что «революционные старосты предъявили ультиматум, что они выйдут из НСП, если независимые будут оставаться в правительстве». Heilmann E. Die Noskegarde, S. 13.

³⁵ См. «Illustrierte Geschichte», стр. 241. Фотография плаката.

³⁶ «Der Dolchstoß — Prozess», S. 225.

³⁷ Maercker. Vom Kaiserheer zur Reichswehr, S. 60.

³⁸ Там же, стр. 64—65.

архист типа времён Вильгельма I, мог работать вместе с Носке»³⁹, — шлет генерал Меркер.

Корпус генерала Меркера одним из первых был вызван в Берлин. Части корпуса Меркера прибывали к Берлину между 28 и 31 декабря и размещались в Цоссенском военном лагере, куда прибывали и все вызванные в Берлин войска.

В первых числах января «Отделение Лютвица», по свидетельству Меркера, представляло значительную военную силу. В его состав входили: Добровольческий пехотный егерский корпус, Гвардейская кавалерийская стрелковая дивизия, 17-я пехотная дивизия, 31-я пехотная дивизия, Добровольческий стрелковый корпус и Добровольческий корпус Гюльзена⁴⁰.

По требованию командиров Добровольческой армии правительство объявило в Берлине осадное положение. По их же требованию в воинский устав было введено право применения оружия к «враждебно настроенной толпе». Одновременно генералы потребовали изменения текста воинской присяги. В фразу присяги «Я обязуюсь служить демократической республике» были включены слова «как солдат», так как прежний текст якобы связывал действия солдат.

Открытая подготовка контрреволюции вызвала тревогу среди рабочих масс, усиливала нараставшее возмущение действиями правительства.

Контрреволюция торопилась осуществить подготовлявшийся ею разгром революционных рабочих, стремясь не дать окрепнуть их авангарду, организовавшемуся в КПГ. С этой целью было решено воспользоваться возбуждением, царившим в рабочих массах Берлина, и спровоцировать их на преждевременное выступление.

Поводом для провокации послужило, как известно, насильственное смещение 4 января 1919 г. полицайпрезидента Берлина левого независимца Эмиля Эйхгорна⁴¹, пользовавшегося поддержкой революционных рабочих Берлина.

Эйхгорн отказался выполнить приказ, заявив, что он поставлен на пост полицайпрезидента Исполнительным комитетом и подчинится только его решению. Если бы правительство не хотело конфликта, оно могло бы удовлетворить требование Эйхгорна, так как в Исполнительном комитете подавляющее большинство принадлежало шейдемановцам и они вынесли бы желательное для правительства решение.

Революционные рабочие протестовали против отставки Эйхгорна⁴². Отставку Эйхгорна, вопреки их протестам, рабочие правильно восприняли как вызов, брошенный им правительством. Правительство только и ждало выступления рабочих, чтобы начать бойню, которую оно подготовило вместе с военщиной.

В день отставки Эйхгорна — 4 января — Эберт и Носке выезжали в Цоссенский военный лагерь для смотра добровольческих войск. Генерал Меркер с удовлетворением рассказывает о том, что вид «настоящих солдат» приятно поразил членов правительства. Носке пришёл в такой восторг, что, хлопнув Эберта по плечу, сказал: «Будь спокоен, всё снова будет хорошо»⁴³.

³⁹ Маерскер. Vom Kaiserheer zur Reichswehr, стр. 65.

⁴⁰ Там же, стр. 70.

⁴¹ Э. Эйхгорн по профессии — рабочий. С ранних лет принимал участие в профдвижении и примкнул к социал-демократической партии. С 1903 по 1911 г. — депутат рейхстага. С образованием НСПГ он сразу же примкнул к ней, и как политическому деятелю ему были присущи все пороки независимцев. В 1920 г. при расколе НСПГ Эйхгорн вместе с революционной частью НСПГ вступил в КПГ и оставался в её рядах до конца своей жизни (1925).

⁴² См. Eichhorn E. Ueber die Januar-Ereignisse, S. 62.

⁴³ Маерскер. Указ. соч., стр. 64.

4 января вечером в помещении Центрального бюро Независимой социал-демократической партии происходило объединённое заседание Центрального правления берлинских организаций НСПГ и революционных старост. На этом заседании присутствовали также члены Центрального комитета Коммунистической партии Германии — Карл Либкнехт и Вильгельм Пик. В числе присутствовавших было около 50 человек революционных старост, которые составляли большинство собравшихся⁴⁴.

Для присутствовавших было ясно, что отставка Эйхгорна вызовет сильное возмущение рабочих масс Берлина. В. Пик в своих воспоминаниях⁴⁵ рассказывает, что все выступавшие единодушно требовали решительного отпора правительству со стороны рабочих. Были внесены предложения вести борьбу вплоть до свержения правительства. Однако эти предложения встретили возражения со ссылкой на то, что рабочие ещё не подготовлены для вооружённой борьбы. К. Либкнехт и В. Пик выразили мнение, что при создавшемся положении необходимы быстрые и решительные действия, чтобы не дать правительству подготовиться, иначе правительство стянет к Берлину контрреволюционные войска, и тогда неминуемо поражение. Это свидетельствует о том, что собравшиеся не знали о всей подготовительной работе, проведённой правительством, не знали, очевидно, и того, что под Берлином уже стояли войска «Отделения Лютвица». Левые независимцы Ледебур и Брюль присоединились к мнению Либкнехта и Пика. Брюль сообщил, что берлинский союз избирателей НСПГ⁴⁶ принял решение призвать рабочих к самому резкому отпору правительству⁴⁷.

В результате совещания было принято решение призвать берлинских рабочих к демонстрации протеста на следующий день, т. е. 5 января, в 2 часа дня. Местом сбора назначили Аллею Побед. Постановили, что на демонстрацию должны были явиться созданные на предприятиях вооружённые рабочие отряды (прозванные «чёрными кошками») — на случай, если правительственные отряды нападут на демонстрантов.

Как писал впоследствии В. Пик, «было ясно, что контрреволюция стремилась массовым избиением берлинского пролетариата заставить его отказаться от дальнейшей борьбы»⁴⁸.

В этот же день, 4 января, в Центральном комитете Коммунистической партии Германии также обсуждался вопрос о политическом положении, создавшемся в связи с провокационным действием правительства. На этом заседании, на котором присутствовал также и К. Либкнехт, принято было решение призвать рабочих Берлина к демонстрации протеста против действий правительства. Этим мероприятием Центральный комитет КПГ поддерживал решение революционных старост о демонстрации. При этом, исходя из соотношения сил в стране, Центральный комитет КПГ вынес совершенно правильное решение, что Коммунистическая партия считает несвоевременной борьбу за свержение правительства и взятие власти рабочими.

Об этом заседании член ЦК КПГ Эрнст Мейер рассказывал: «Обсуждался вопрос о том, какие лозунги дать для предстоящей воскресной демонстрации. Дискуссия была очень короткой. В соответствии с нашей программой мы считали, что для взятия власти время ещё не настало»⁴⁹.

⁴⁴ См. «Der Ledebour-Prozess», S. 44.

⁴⁵ См. Pieck W. Von zehn Jahre. Erinnerungen. «Die Rote Fahne», 25, 27, 28 November 1928.

⁴⁶ Так называлась берлинская организация НСПГ.

⁴⁷ Pieck W. Erinnerungen. «Die Rote Fahne», 27 декабря 1948.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ «Der Ledebour-Prozess», S. 517.

В. Пик также пишет, что Центральный комитет КПП, обсуждавший вопрос о создавшемся положении, согласился поддержать призыв к стачке и демонстрации протеста против действий правительства, но был против борьбы за немедленное взятие власти⁵⁰.

Тактика КПП накануне январских боёв была изложена в документе, озаглавленном «Вся власть рабочим и солдатским советам», опубликованном в первых числах января (распространён в виде листовки). В этом документе КПП разъясняла, почему сейчас несвоевременно выступление берлинского пролетариата с целью захвата власти. В разделе «Путь к власти» говорится: «Если бы рабочие Берлина сегодня разогнали Национальное собрание, а Шейдеман—Эберт были брошены в тюрьму, в то время, как рабочие Рурской области, Верхней Силезии, сельские рабочие Восточной Эльбы оставались бы спокойными, то капиталисты завтра же взяли бы Берлин измором. Наступление рабочего класса на буржуазию, борьба за власть рабочих и солдатских советов должна быть делом всего трудового народа, всей страны»⁵¹.

КПП призывала к перевыборам советов, в которых засели шейдемановцы, к выборам подлинных советов с участием коммунистов. Это, по её мнению, являлось основной задачей рабочего класса на ближайшее время.

Однако этот призыв в существовавшей тогда политической обстановке не достигал цели. Перевыборы советов как боевой лозунг партии был тогда мимо цели, так как в условиях, когда большинство рабочего класса ещё шло за социал-демократами, и эти перевыборы не дали бы ещё желательных результатов. Только опираясь на рабочие массы, КПП могла бы завоевать большинство в советах.

Ошибками было и то, что спартаковцы, порвав организационную связь с независимцами и образовав КПП, продолжали совместные выступления с НСПГ, не подчёркивая чётко и недвусмысленно свою собственную политическую линию.

Правлением НСПГ и революционными старостами (которые в подавляющем большинстве состояли из членов НСПГ) было выпущено воззвание к рабочим и членам партии с призывом к демонстрации протеста 5 января. Это воззвание было поддержано и Центральным комитетом КПП. Оно было опубликовано в газетах «Die Rote Fahne» и «Die Freiheit» за подписями четырёх организаций: революционных старост Берлина, Правления союза социал-демократических избирателей Берлина, Независимой социал-демократической партии и Центрального комитета Коммунистической партии Германии⁵².

На воскресенье, 5 января, был назначен ряд заводских рабочих собраний, посвящённых предстоявшим выборам в Национальное собрание. Выступавшие на собраниях выражали возмущение действиями правительства, перешедшего в открытое наступление на рабочий класс, и призывали к отпору⁵³. Участники собраний влились в демонстрацию, которая приняла грандиозные размеры.

В демонстрации приняли участие вместе с рабочими и солдаты. Наряду с Красным солдатским союзом выступили 3-й гвардейский артиллерийский полк, 4-й гвардейский полк, 261-й стрелковый полк. Здесь были рабочие «АЭГ», машиностроительных заводов «Аргус-моторы», «Фриц

⁵⁰ W. Pieck. Von zehn Jahre. Erinnerungen. «Die Rote Fahne», Den 27 Dezember 1928.

⁵¹ См. Programatische Kundgebung des Spartakusbundes (приведено в книге R. Müller. Der Bürgerkrieg in Deutschland, S. 219—221) Berlin. 1925.

⁵² См. «Die Rote Fahne» und «Die Freiheit», 5 января 1919 года.

⁵³ См. «Die Freiheit», 6 января 1919 года.

Вернер», «Мариенфельдс», «Карл Флор», сварочного завода «Автоген», железнодорожники и т. д.⁵⁴ Раздавались возгласы: «Долой кровавых собак Эберта — Шейдемана!», «Да здравствует Либкнехт!», «Да здравствует Люксембург!»⁵⁵.

С балкона полицейпрезидиума Либкнехт произнёс речь, в которой разоблачил контрреволюционные действия правительства и потребовал разоружения контрреволюции, вооружения рабочих. «Ни в одной речи не было призыва к применению насилия»⁵⁶, — свидетельствует Эйхгорн. Такое же утверждение мы находим и у Р. Мюллера⁵⁷.

Настроение демонстрантов было чрезвычайно возбуждённое. Уступая требованиям части демонстрантов, члены «Красного солдатского союза» стали раздавать оружие. Подготовленная правительством провокация, таким образом, удалась. Революционная часть рабочих взялась за оружие. Но этого оружия было слишком мало, его хватило лишь для вооружения небольших отрядов, а масса рабочих осталась безоружна.

Против них уже с утра стояли наготове вооружённые войска⁵⁸. Правительством не сомневалось в исходе этой неравной борьбы. Об этом свидетельствует заявление социал-демократа Е. Эрнста, занявшего пост полицейпрезидента после подавления январского выступления, сделанное им в беседе с иностранными журналистами 16 января 1919 года. Это заявление Эрнста было опубликовано в органе итальянских социал-демократов «Avanti» от 23 февраля. «Die Freiheit» приводит следующую выдержку из заявления Эрнста: «Успех спартаковцев был с самого начала исключён, так как мы своей подготовкой принудили их к преждевременному выступлению. Они должны были взяться за оружие раньше, чем они этого хотели, а мы поэтому были в состоянии им противостоять»⁵⁹.

Вечером 5 января собрались руководители движения. Присутствовало около 70 человек революционных старост. Подавляющее большинство из них (четыре пятых) принадлежало к левым независимцам, и лишь незначительная часть (одна пятая) — к КПГ. В числе присутствовавших были члены Правления берлинской организации НСПГ и два члена Центрального комитета КПГ — К. Либкнехт и В. Пик.

Собравшиеся находились под впечатлением грандиозной демонстрации, но были полны неопределённости, не зная, что предпринять дальше. Эта неопределённость получила яркое выражение в следующих словах Ледебура: «Когда я возвратилась с демонстрации, я находился под впечатлением, что массы готовы. Но можем ли мы взять на себя ответственность призвать массы к нанесению решительного удара — это было ещё не ясно»⁶⁰.

В ходе совещания пришло сообщение, что рабочие по своей инициативе, без указаний со стороны какой-либо партийной организации, захватили помещение «Vorwärts» и других газетных предприятий Берлина. На основании этого факта большинство собравшихся пришло к выводу, что массы требуют решительных действий. Впечатление произвело также заявление руководителя Народной морской дивизии Дорренбаха о том, что не только Морская дивизия, но и все войска, находящиеся в Берлине, стоят на стороне революционных старост и готовы употребить оружие для свержения правительства Эберта—Шейдемана. В ходе дебатов Дорренбах передал о поступившем якобы сообщении, что части хорошо вооружённых войск, находящиеся в Шпандау, готовы выступить против правительства. А присутствовавший на совещании представитель рабочих

⁵⁴ «Die Rote Fahne», 5 января 1929. Beginn der Spartakuskämpfe.

⁵⁵ Там же, 6 января 1919 года.

⁵⁶ Eichhorn E. Ueber die Januar-Ereignisse, S. 70.

⁵⁷ См. Müller R. Der Bürgerkrieg in Deutschland, S. 31.

⁵⁸ См. Носке Г. Записки о германской революции, стр. 54—55. Москва. 1922.

⁵⁹ «Die Freiheit», 3 февраля 1919 года.

⁶⁰ «Der Ledebour-Prozess», S. 51.

Шпандау, Кох, заявил, что все средства вооружения, которыми располагают заводы Шпандау, будут по телефонному звонку доставляться в город в распоряжение руководителей движения⁶¹. Эти, как потом оказалось, неосновательные сообщения толкнули присутствовавших к принятию ошибочного решения, которое только помогло осуществлению провокации, подготовленной правительством. На совещании большинством голосов против шести было постановлено начать борьбу против правительства, вплоть до его свержения, поддержать отряды, занявшие газетные предприятия, и призвать рабочих к генеральной забастовке. Вопрос о полицайпрезидиуме отошёл на задний план и фигурировал лишь как один из пунктов обвинений, предъявленных правительству.

После принятия этого решения совещание избрало временный Революционный комитет в составе 53 человек с тремя равноправными председателями — Г. Ледебуром, К. Либкнехтом и П. Шольце⁶². Э. Эйхгорн пишет, что в состав Революционного комитета было избрано 30 человек⁶³. По свидетельству же Эрнста Гейльмана, на этом заседании (в ночь на 6 января) было избрано два революционных комитета — «большой из тридцати трёх и малый из пяти человек. В состав последнего вошли Либкнехт, Ледебур, Пик, Шольце и Новаковский»⁶⁴.

Таким образом, левые независимцы взяли на себя руководство выступлением революционных рабочих Берлина. К ним присоединились революционные старосты-коммунисты и два члена Центрального комитета КПГ — К. Либкнехт и В. Пик.

Вечером 5 января город охватило большое волнение. Этим возбуждением рабочих и воспользовалось правительство.

Как мы уже сказали, 5 января вечером группы рабочих и солдат начали занимать газетный квартал. Имеющиеся в нашем распоряжении материалы дают полное основание утверждать, что рабочие были спровоцированы на это правительством, специально подосланными шпионами коменданта Фишера. Они использовали сложившуюся у германских рабочих традицию начинать свои выступления с захвата газет. Это, несомненно, было составной частью провокационного плана правительства, плана, рассчитанного на то, чтобы толкнуть рабочих на такие действия, которыми правительство могло бы оправдать кровавое подавление революционного движения и укрепление власти буржуазии при помощи штыков белых кайзеровских генералов.

Чтобы скрыть свою провокацию от широких масс рабочих, шейдемановцы обвиняли спартаковцев в организации январского выступления. Эта ложь опровергается рядом документов и материалов.

Выше мы привели решение ЦК КПГ от 4 января, в котором указывалось, что ЦК КПГ был против вооружённого выступления, так как считал его преждевременным. Никаких указаний о вооружённом выступлении ЦК КПГ не давал. На процессе Ледебура член ЦК КПГ Эрнст Мейер говорил: «Насколько мне известно, занятие газет произошло внезапно, без договорённости между партиями или какими-либо мне известными организациями. Я могу ещё добавить, хотя это общественности известно, что моя партия... даже приняла меры, чтобы воспрепятствовать захвату газет... Так как мы в то время не намерены были взять власть, то своих сторонников мы поставили в известность, что такие мероприятия нецелесообразны»⁶⁵.

⁶¹ «Verfassungsgebende Preussische Landesversammlung 1919—1921. Untersuchungsausschuss. Niederschriftenband über die erhobenen Beweise zum Bericht über die Januarunruhen 1919 im Berlin». Berlin 1928. В дальнейшем при ссылке для сокращения будет значиться «Untersuchungsausschuss».

⁶² Müller R. Der Bürgerkrieg..., S. 34.

⁶³ Eichhorn E. Ueber die Januar-Ereignisse, S. 172.

⁶⁴ Heilmann E. Die Noskegarde, S. 15.

⁶⁵ «Der Ledebour-Prozess», стр. 519. Документов о такой директиве ЦК КПГ нам найти не удалось. — П. М.

Ледебур сообщает, что захват 5 января «Vorwärts» и других газет произошёл не только без его ведома, но и без ведома Революционного комитета⁶⁶.

Эмиль Эйхгорн в своей книге о январских событиях пишет: «Всё это произошло без ведома организаций, принимавших участие в демонстрации. Полученное во время совещания, происходившего после демонстрации, известие о захвате газет было для всех неожиданным, так как это не входило в план собравшихся»⁶⁷. Свидетельства Ледебура и Эйхгорна подтверждаются и Р. Мюллером⁶⁸. Указание о захвате газет не могло исходить и от правления НСПГ, так как независимцы вообще были против каких-либо решительных революционных действий. Ледебур говорил на процессе, что они «были поставлены перед свершившимся фактом, захват газет произошёл против нашего убеждения». Более того: он утверждает, что их «берлинские партийные друзья рассматривали захват «Vorwärts» как позорное вероломство»⁶⁹.

Прусский ландтаг (1919—1921) учредил специальный следственный комитет по расследованию январских событий, названных им «беспорядками». Социал-демократ министр внутренних дел Гейне пытался доказать в своём докладе, что в занятии помещений газет виноваты спартаковцы, что указание об этом исходило от КПГ или Революционного комитета. Ибо если допустить, что захват газет был стихийным, говорил он, то как могло случиться, что помещения различных газет были заняты одновременно⁷⁰. Это вполне резонное замечание Гейне является лишь подтверждением того, что в провокационный план правительства входил также и захват газет, ибо, как мы установили выше, помещения газет были заняты не только без ведома, но и вопреки намерениям КПГ и НСПГ.

Все попытки Гейне доказать в Следственном комитете, что захватом газет руководили спартаковцы, провалились. В процессе следствия выяснилось, что лица, увлекшие группы демонстрантов в газетный квартал, были не спартаковцами, как это неоднократно утверждал Гейне, а платными агентами коменданта Фишера.

Через десять лет в журнале «Der Rote Stern», органе Коммунистической партии Германии, на основании изучения январских боёв писали о захвате газет: «До сего дня ещё не вполне выяснено, какое участие в этом вполне понятном, но всё же бесцельном действии принимали шпионы и провокаторы... только твёрдо установлено, что эти в большинстве своём испытанные во время войны шпионы, как дьявольская мразь, наводнили ряды революционных рабочих... Роланд, Гильдебранд, Федер, Драг»⁷¹. К ним мы теперь можем ещё добавить имена провокаторов Гранта, Рейтера, Тышки, Тиссенгаузена, Кунта, Дрегера. Они не просто наводняли ряды демонстрантов, но, как увидим дальше, участвовали в захвате газетного квартала, выполняя провокационное задание комендатуры.

В следственном комитете прусского ландтага член солдатского союза Юлиус Мейер рассказывал: среди демонстрантов у здания полицейского президиума он увидел известного ему Роланда, который закричал, что «Vorwärts» должен быть захвачен. Провокационный призыв к захвату «Vorwärts» был правильно рассчитан на успех, так как широко было известно возмущение революционных рабочих тем, что газета была отнята у них социал-демократами большинства⁷². Поэтому к Роланду немедленно

⁶⁶ «Der Ledebour-Prozess», стр. 62.

⁶⁷ Eichhorn E. Ueber die Januar-Ereignisse, S. 70—71.

⁶⁸ См. Müller R. Der Bürgerkrieg..., S. 32, 34.

⁶⁹ «Der Ledebour-Prozess», S. 64.

⁷⁰ «Untersuchungsausschuss», S. 3.

⁷¹ «Der Rote Stern» № 1 за 1929 год.

⁷² В сентябре 1914 г. «Vorwärts» был запрещён командующим Бранденбургского округа, генералом Касселем. Кассель согласился отменить запрещение лишь при том

присоединилась группа демонстрантов и во главе с ним направилась к зданию «Vorwärts»⁷³. Здание было занято в 6 часов вечера без малейшего сопротивления со стороны охраны, которая состояла из 80 человек⁷⁴. Ю. Мейер на следствии сообщил, что он точно установил, что Роланд был шпионом. Роланд состоял членом «Красного солдатского союза» и старался казаться революционером. Одновременно он состоял на службе у коменданта Фишера: было замечено, что он часто посещал комендатуру. Разоблачённый свидетельскими показаниями, Роланд вынужден был признаться в том, что он действительно состоял в шпионской организации Фишера⁷⁵. Показаниями Ледебура на процессе также было доказано, что Роланд был шпионом⁷⁶.

В ночь на 6 января были заняты газетные предприятия Моссе, Ульштейна, типография Бухсенштейна и телеграфное бюро Вольфа. Помещения занимались небольшими вооружёнными группами, возглавлявшимися провокаторами. Свидетельством того, что это было организовано по заданию правительства, является хотя бы тот факт, что после подавления выступления лица, организовавшие захват газет, не были привлечены к ответственности, хотя об их участии было известно. Группы «захватчиков» были так малочисленны, что если бы охрана не действовала заодно с провокаторами, она могла оказать сопротивление и не допустить никого в здание.

Предприятия Моссе и Ульштейна были заняты отрядом в 23 человека. Его возглавляли провокаторы Кунт и Драг⁷⁷, которые потом сдали эти здания правительственным войскам.

Телеграфное бюро Вольфа было занято вооружённым отрядом рабочих и солдат при участии провокатора Тиссенгаузена. Он был разоблачён на процессе Ледебура служащим полицайпрезидиума Паулем Крюгером и полицейским Сухолина⁷⁸. На процессе было установлено, что Тиссенгаузен был связан с комендатурой и с целью шпионажа выкрал у служащего полиции Осгермана письма. Тиссенгаузену пришлось в этом признаться. На процессе Ледебура Тиссенгаузен давал ряд ложных показаний по обвинению спартаковцев в организации боёв, но был изоблачён свидетелем Гейманом⁷⁹. Из показаний ряда свидетелей выяснилось, что Тиссенгаузен выдавал себя за спартаковца с провокационной целью, чтобы войти к ним в доверие и шпионить в пользу правительства.

Помещение издательства Бухсенштейна беспрепятственно заняли восемь человек. Отряд, засевший в помещении издательства Шерля, выдавал себя за спартаковский, однако за всё время январских боёв его никто не тревожил⁸⁰. После подавления движения этот отряд сдал помещение правительственным войскам.

Правительство усиленно распространяло слухи о том, что спартаковцы штурмом взяли государственную типографию, что было сделано якобы по распоряжению Революционного комитета. В действительности «захватом» государственной типографии руководили провокаторы Грант и Рей-

условии, что «Vorwärts» впредь не будет касаться темы о классовой борьбе. Редакция приняла это условие, и 1 октября «Vorwärts» вышел, причём на первой его полосе был напечатан приказ Касселя о возобновлении издания. В. И. Ленин об этом писал, что «сам «Vorwärts», после того, как он, под страхом быть закрытым, отрёкся от классовой борьбы и обещал не касаться её до конца войны, покончил с собой. Он умер» (т. XVIII, стр. 52). С осени 1916 г. редакция «Vorwärts» находилась в руках правых социал-демократов — шейдемановцев.

⁷³ «Untersuchungsausschuss», S. 161.

⁷⁴ R u n k e l F. Deutsche Revolution, S. 204.

⁷⁵ «Untersuchungsausschuss», S. 221.

⁷⁶ См. «Der Ledebour-Prozess», S. 170.

⁷⁷ См. «Der Rote Stern», 1 января 1929 г.; M ü l l e r R. Der Bürgerkrieg..., S. 69.

⁷⁸ «Der Ledebour-Prozess», S. 446—458.

⁷⁹ Там же, стр. 424.

⁸⁰ См. M ü l l e r R. Der Bürgerkrieg..., S. 43.

тер⁸¹. Следственным комитетом прусского ландтага путём свидетельских показаний и признания самого Гранта было точно установлено, что Грант и Рейтер были провокаторами, состоявшими на службе у коменданта Фишера. Грант пытался сначала скрыть свою провокаторскую деятельность, но, прижатый к стене свидетельскими показаниями члена заводского рабочего совета завода Шварцкопфа, Георга Шмитта, был вынужден сознаться, что, будучи членом «Красного солдатского союза» и КПГ, он в то же время состоял на службе у правительства. Грант рассказал, что после того, как он спровоцировал занятие типографии, он «связался с комендатурой и сказал: мы заняли государственную типографию, что делать дальше?»⁸². Получая указания от комендатуры о дальнейших действиях, Грант, как комендант захваченного здания, получал оружие для своего отряда у Эйхгорна. Его целью, рассказывал Грант, было выведать запасы оружия в полицайпрезидиуме. Полученное оружие он складывал в типографии. Кроме того Грант сообщил, что, выполняя роль командира отряда, занимавшего государственную типографию, он состоял на службе в правительственных войсках и участвовал в разгроме рабочих Шпандау⁸³. Далее он заявил, что сообщения в газетах «Berliner Kurier» и «Neuesten Nachrichten», что отряд, занимавший государственную типографию, похитил 18 млн. марок, являются вымыслом. «Я заботился о том, чтобы ничего не пропало. Я держал государственную типографию для правительства»⁸⁴, — заявил он.

Эти так называемые «спартаковцы» продержали типографию до 8 января и передали её правительственным войскам.

6 января демонстрация приняла ещё более грандиозные размеры. В этот день с самого утра в манеже, служившем штабквартирой для Революционного комитета, царило необычайное оживление. Двор был заполнен рабочими и солдатами.

Маленькие отряды, спровоцированные на захват газетного квартала и ряда зданий, в течение ближайших дней пополнялись революционными рабочими и солдатами. Так, к отряду, занявшему «Vorwärts», присоединилось до тысячи человек. Здание было забаррикадировано. Отряд был вооружён 12 тяжёлыми и двумя лёгкими пулемётами.

6 января рабочие были спровоцированы на осаду казармы сапёров. Организатором этой провокации был шпион комендатуры Дрегер, один из командиров полицейской охраны. Состоя на службе у Эйхгорна, он вместе с другим полицейским офицером, Геркеном, 29 декабря подписал договор с Фишером о вступлении в его шпионскую организацию, они обязались ничего не предпринимать без ведома Фишера⁸⁵.

После осады казармы сапёров шарлоттенбургский полицайпрезидент Рихтер назначил Дрегера командиром вновь организованного отряда правительственных войск, находившегося на Бергманштрассе. Одновременно Дрегер оставался на службе в полицайпрезидиуме Берлина вплоть до взятия его правительственными войсками. О провокаторской работе Дрегера в Следственном комитете прусского ландтага сообщал также свидетель Геннеке: «Здесь у меня впервые сложилось впечатление, что со стороны правительства работали шпионы. Здесь был известный Дрегер... Он участвовал во взятии казармы сапёров. После этого он перешёл к правительству и всё продолжал нас подстрекать, чтобы вызвать противодействие со стороны правительства. Открыто действовало много шпионов»⁸⁶.

⁸¹ Оба они работали на заводе Шварцкопфа: Грант — в качестве инженера, Рейтер — лесарем.

⁸² «Untersuchungsausschuss», S. 280.

⁸³ Там же, стр. 274.

⁸⁴ Там же, стр. 275.

⁸⁵ См. Fischer A. Die Revolutionskommandatur Berlin, S. 53; Müller R. Der Bürgerkrieg..., S. 45.

⁸⁶ «Untersuchungsausschuss», стр. 233. Показание Геннеке.

О провокаторской работе Дрегера сообщает и свидетель Геркен⁸⁷. Разоблачённый свидетельскими показаниями, на следствии провокатор Дрегер сам вынужден был рассказать о своей двойной игре⁸⁸.

6 января в 5 час. 30 мин. произошло вооружённое столкновение у военного министерства. Описание этого вооружённого столкновения дано в «Vorwärts», в номере, выпущенном рабочими⁸⁹.

В ближайшие дни, 7 и 8 января, рабочие и солдаты заняли Силезский, Ангальтский и Потсдамский вокзалы. Занятие этих зданий также было организовано провокаторами.

Из всех зданий, занятых рабочими в январские дни, стратегическое значение могли иметь только вокзалы. Однако обладание этими важными пунктами совершенно не было использовано. Другие здания не имели значения в военном отношении, и захватом их революционные рабочие бесцельно дробили свои и без того небольшие силы. Стремление удержать захваченные здания связывало инициативу отрядов, которым приходилось только обороняться. Эти здания оказались западнями, в которых засевшие рабочие просто уничтожались войсками Носке.

Члены Революционного комитета, в большинстве своём левые независимцы, видимо, сами испугались принятого ими решения о борьбе за свержение правительства Эберта — Шейдемана. Для осуществления этого решения они ничего не предприняли. Царила полнейшая неясность: что же предпринять дальше? Революционный комитет, назвавший себя штабом движения, не позаботился выработать какой-либо общий план действий. Не было сделано даже попытки организовать рабочих на борьбу: на предприятия не создали боевых дружин, не вовлекли в движение солдат для объединения их с восставшими рабочими. Отсутствовал план захвата важных стратегических пунктов для организации борьбы против расположенных под Берлином белогвардейских частей.

Отряды, спровоцированные на захват зданий, действовали на свой страх и риск: они не получали никаких указаний, действия их никем не координировались. Ревком не руководил ими.

Эйхгорн пишет по этому поводу: «Какого-либо центрального руководства боевыми операциями не существовало. Всё, что в этой области в ближайшие дни происходило, было делом отдельных отрядов, которые не были связаны ни между собой, ни с каким-либо руководящим центром»⁹⁰.

Вооружённые столкновения рабочих отрядов с правительственными войсками происходили беспорядочно и не могли дать серьёзных результатов. Революционные рабочие, лишённые руководства со стороны Революционного комитета, в своей попытке борьбы с правительством оказались совершенно беспомощными. «Причина этого заключалась в том, — пишет Эйхгорн, — что участвующие в руководстве организации вовсе не хотели вооружённой борьбы»⁹¹. Не удивительно поэтому, что Революционный комитет не провёл ни одного серьёзного практического мероприятия.

В ночь на 6 января за теми же подписями, что и 4 января, было выпущено воззвание, призывавшее к генеральной забастовке и к демонстрации 6 января, под лозунгами: «На борьбу за власть революционного пролетариата», «Долой правительство Эберта — Шейдемана». Сбор демонстрантов был назначен в 11 часов утра на Аллее Побед. Этой же ночью был заготовлен документ следующего содержания: «Товарищи рабочие!

⁸⁷ Там же, стр. 259. Показание Геркена.

⁸⁸ «Untersuchungsausschuss», стр. 291—292. Показание Дрегера.

⁸⁹ «Vorwärts», 7 января. Архив Музея революции в Москве.

⁹⁰ Eichhorn E. Ueber die Januar-Ereignisse, S. 72.

⁹¹ Там же.

Правительство Эберта—Шейдемана сделало своё дальнейшее существование невозможным. Революционный комитет, представитель революционно-социалистических рабочих и солдат (Независимая социал-демократическая партия и Коммунистическая партия), объявил его низложенным. Нижеобозначенный Революционный комитет временно взял на себя государственные дела.

Товарищи рабочие! Поддерживайте мероприятия Революционного комитета. Революционный комитет. Представляющие его: Ледебур, Либкнехт, Шольце. Берлин. 6 января 1919»⁹².

Дальнейшее использование этого документа лишний раз убеждает в том, что Революционный комитет был неспособен руководить движением. 6 января, около 1 часа дня, его дали первому попавшемуся матросу некоему Леммгену и с отрядом в 300 человек послали занимать военное министерство. Документ этот оказался без подписей, и служащий военного министерства потребовал его «должного оформления». Леммген отправился обратно в Революционный комитет, где документ был подписан. Но в министерство он больше не пошёл, а отправился домой. Этот документ затем он продал за 100 марок правительству, которое использовало его для травли коммунистов⁹³.

Столь же характерной для «действий» Революционного комитета была попытка ареста коменданта Берлина Антона Фишера при появлении его в манеже в комендатуре Народной морской дивизии, где заседал Революционный комитет. Арестованного Фишера оставили в одной из комнат комендатуры дивизии, даже не позаботившись об его охране. Такая беспечность Революционного комитета позволила Фишеру во время своего ареста разагитировать матросов против Революционного комитета. В этом ему помогли члены руководящей «пятерки» дивизии — Милевский и Редель. При их помощи Фишер связался с матросами и добился изгнания из манежа Революционного комитета, и последний по настоянию матросов, объявивших себя нейтральными, вынужден был перенести свой штаб в полицейспрезидиум. После этого Фишер беспрепятственно покинул место своего «ареста»⁹⁴.

Так же провалилась попытка Революционного комитета назначить вместо Фишера комендантом Берлина независимца Альбрехта.

Возглавлявший морскую дивизию «Комитет пяти» решил занять нейтральную позицию.

Части берлинского гарнизона колебались лишь в первые дни боёв. Они решительно выступили на стороне правительства, как только им стало ясно, на чьей стороне сила.

В Революционный комитет то и дело приходили представители от рабочих и революционных солдат, заявлявшие о своей солидарности с ним. Создавшиеся отряды требовали оружия, но Революционный комитет не мог удовлетворить все требования, так как оружия в его распоряжении было очень мало. Как впоследствии выяснилось, огромные запасы оружия, хранившиеся в полицейспрезидиуме, также не были предоставлены в распоряжение Революционного комитета. В вопросе о вооружении революционных рабочих характерно поведение независимца Эйхгорна.

⁹² В. Пик о происхождении этого документа пишет: «В манеж прибывали депутаты от полков, выражавшие готовность примкнуть к восстанию, если им будет дано заверение в том, что существовавшее правительство, которому они должны были подчиняться, больше не существует. При таких обстоятельствах мною был составлен написанный на пишущей машинке документ... Этот документ преследовал цель привести в движение колеблющихся солдат, присоединить их к восстанию рабочих и помочь солдатам освободиться от сомнений в связи с присягой на верность правительству». (Далее приводится изложенный выше текст документа.) В. Пик. От ноябрьской революции до убийства Розы Люксембург и Карла Либкнехта. «Пролетарская революция» № 11—12 за 1928 г., стр. 175—176.

⁹³ См. «Der Ledebour-Prozess», стр. 298—300. Показание Леммгена.

⁹⁴ Там же, стр. 194.

В следственном комитете он сообщил, что дал распоряжение оружия не выдавать⁹⁵. Запрещение выдачи имевшегося в его распоряжении оружия объективно было предательством.

Временный Революционный комитет, согласно своему решению, заседал непрерывно, но число участников его совещаний становилось всё меньше⁹⁶.

В первый же день деятельности Революционного комитета выявилась несостоятельность заявлений Дорренбаха, сделанных накануне, при решении вопроса о восстании. Вести приходили самые неутешительные. В Шпандау сапёры воспротивились выдаче оружия из артиллерийских складов и арестовали нескольких руководителей революционных рабочих, которые обратились за помощью к Революционному комитету. Таким образом, Революционный комитет не только не получил из Шпандау обещанного Дорренбахом отряда с 2 тыс. пулемётов и 20 пушками, но должен был ещё искать возможности посылки подкрепления взывавшим к нему о помощи рабочим Шпандау. Ледебур, по поручению Революционного комитета, отправился за помощью в 3-й гвардейский полк, однако ему пришлось убедиться, что на стороне Революционного комитета стояла лишь очень незначительная часть полка.

Не нашёл опоры Революционный комитет и в войсках берлинского гарнизона, несмотря на то, что независимые социал-демократы имели своих людей в воинских частях и кое-где, как, например, в Морской дивизии, пользовались известным влиянием. Но никогда не ставя своей целью революционное восстание против капитализма, они не вели соответствующей подготовки в массах рабочих и солдат.

Революционный комитет не предпринял никаких мер и к тому, чтобы связаться с частями гарнизона Берлина и привлечь их на сторону рабочих. Влияние революционных рабочих стихийно проникало в солдатские массы. Некоторые воинские части Берлина заколебались. Они посылали своих представителей в Революционный комитет за указаниями, но последний, не имея какой-либо продуманной линии поведения в отношении солдат, не сумел использовать их колебание, не сделал ничего, чтобы добиться присоединения этих воинских частей к революционным рабочим.

Таким образом, Революционный комитет фактически не организовывал восстания, а лишь пугал правительство Эберта — Шейдемана угрозой восстания, и это ярче всего выявилось, когда рабочие, согласно призыву Революционного комитета, объявили 6 января стачку и вышли на демонстрацию. Во время этой грандиозной, двухсоттысячной демонстрации Революционный комитет, как известно, бесконечно заседал и так и не пришёл ни к каким решениям. «Массы стояли с 9 часов утра на холоде и в тумане, а где-то сидели руководители и совещались. Туман поднялся, а массы продолжали стоять».

Даже революционная часть рабочих, сбитая с толку независимцами, мастерами левой фразы — ледебурами, мюллерами, бартами и им подобными, — в большинстве своём ещё не могла разобраться в том, кто же действительные друзья и кто враги.

Коммунистическая партия, только что организационно порвавшая с «трижды проклятыми меньшевиками-независимцами», была ещё слишком слаба, чтобы повести за собой даже революционную часть рабочих. «Все-му движению нехватало решительного руководства... У берлинской организации молодой коммунистической партии нехватало на это сил»⁹⁷. Поэтому слабость движения обнаружилась с первых же его шагов.

⁹⁵ «Untersuchungsausschuss», S. 199.

⁹⁶ Müller R. Der Bürgerkrieg..., S. 36.

⁹⁷ Pieck W. Erinnerungen. «Die Rote Fahne», 27 ноября 1928 года.

Ещё более ослабило движение предательство Независимой социал-демократической партии. Центральное правление НСПГ отказалось принять участие в выступлении рабочих, так как оно было против свержения правительства Эберта — Шейдемана. НСПГ объявила себя нейтральной. Массовые демонстрации 5 и особенно 6 января напугали независимцев своей грандиозностью. Опасаясь дальнейшего развития борьбы, центральное правление НСПГ собралось, чтобы наметить мероприятия по ликвидации выступления. Решено было послать «нейтральных посредников», которым было поручено мирно, путём переговоров уладить конфликт между правительством и рабочими⁹⁸. Посредничество, взятое на себя правлением НСПГ, было очередным предательством рабочих со стороны независимцев. Оно, несомненно, оказывало услугу правительству, которое воспользовалось переговорами для того, чтобы отвлечь внимание рабочих от борьбы и ослабить их сопротивление.

Революционный комитет, состоявший преимущественно из независимцев, ухватился за это предложение и 50 голосами против 10 принял решение вступить в переговоры с правительством. Для участия в переговорах было выделено 7 человек во главе с Г. Ледебуром.

Затянутые переговоры были гнусным обманом рабочих масс: правительство, обещавшее посредникам применять оружие только в случае нападения на правительственные войска, утром 7 января между 11 и 12 часами дня⁹⁹ начало осаду здания дирекции железной дороги. А независимцы всё продолжали переговоры. Они вели их до 11 января, в дни, когда шла кровавая расправа с рабочими.

На заседании ЦК КПП, состоявшемся 8 января, Йогихес и Роза Люксембург подвергли строжайшей критике поведение Революционного комитета и решительно потребовали отзыва из него Карла Либкнехта и Вильгельма Пика. Они доказывали, что их пребывание в составе Революционного комитета компрометировало КПП и дезориентировало революционных рабочих относительно позиции, занимаемой КПП в происходящих событиях. 10 января ЦК КПП заявил Революционному комитету об отзыве своих членов из состава Революционного комитета и сообщил, что впредь они остаются в Революционном комитете лишь для информационной цели¹⁰⁰.

Всё же, несмотря на то, что ЦК КПП отозвал своих представителей из Революционного комитета, ЦК продолжал выступать перед рабочими массами вместе с НОПГ, подписывая с ней все выходившие в январские дни воззвания. Тактика КПП не отличалась последовательностью и носила на себе явные следы колебаний и нерешительности в деле разрыва с авантюристической политикой зашедшего в тупик Революционного комитета, руководимого независимцами.

8 января происходили массовые собрания рабочих на таких крупных предприятиях, как АЕГ, Шварцкопфа и др. Эти собрания со всей очевидностью показали, что рабочие не видели ещё необходимости свергать существующее правительство, что они не готовы к вооружённому восстанию. Рабочие Шварцкопфа обратились через свою делегацию к правлению НСПГ и к революционным старостам с требованием объединения сил рабочего класса.

Явившимся на заседание революционных старост представителям рабочих Шварцкопфа Карл Либкнехт следующим образом разъяснил позицию КПП в вопросе о единстве рабочего класса. Он сказал им, что Коммунистическая партия добивается объединения рабочего класса для борьбы против буржуазии. Но этому объединению препятствует политика правительственных социал-демократов, которые пошли с буржуа-

⁹⁸ «Der Ledebour-Prozess», стр. 570.

⁹⁹ См. E. Eichhorn. Ueber die Januar-Ereignisse, S. 77.

¹⁰⁰ «Die Rote Fahne», 28 ноября 1928 года.

зией против рабочего класса. В силу этого объединение сил рабочего класса возможно только при условии, если рабочие осудят эту политику социал-демократов, отойдут от них и соединятся с революционными рабочими. Но, несмотря на существующие в рабочем классе разногласия, Коммунистическая партия всегда будет идти плечом к плечу с рабочими в их революционной борьбе¹⁰¹.

8 января было распространено воззвание к революционным рабочим и солдатам от имени революционных старост, представителей рабочих предприятий Большого Берлина, центрального союза социал-демократических избирательных обществ Большого Берлина НСП и ЦК КПГ. В этом воззвании разоблачалась провокационная по отношению к рабочему классу политика правительства, не желавшего мирного улаживания конфликта и готовившего белую гвардию против рабочих. Рабочие призывались к борьбе с угрожавшей опасностью¹⁰².

9 января за подписями тех же организаций снова было выпущено воззвание, в котором разоблачалась роль правительства как прихвостня империалистической буржуазии, готовившегося потопить революционное движение в крови. Воззвание призывало рабочих к генеральной забастовке и к оружию против правительства Эберта — Шейдемана. «Выходите на последний решительный бой... Вооружайтесь... Победа будет за нами!»¹⁰³ — гласили призывы листовки. Снова бросается в глаза непоследовательность и ошибочность такого шага, означавшего сползание на осуждённую центральным комитетом КПГ позицию. Отклики на это воззвание показывали, насколько ошибочным было соединять лозунг генеральной забастовки с призывом к восстанию.

Значительная часть рабочих откликнулась на призыв к генеральной забастовке. 9 января происходили многолюдные рабочие собрания. Рабочие в своих решениях осуждали действия правительства, но на призыв к вооружённой борьбе против него они не откликнулись. Стотысячное собрание рабочих Шпандау, присоединившись к генеральной забастовке, постановило: «Генеральная забастовка должна явиться средством по пути к объединению рабочих через головы вождей». Резолюции других собраний свидетельствовали о том, что эта тяга к единству ещё заглушала иногда у рабочих негодование по поводу предательской политики шейдемановцев. Рабочее собрание от имени рабочих всех предприятий Лихтенберга требовало немедленного прекращения уличных боёв. Рабочие требовали от Центрального совета прекращения борьбы путём образования кабинета, в который входили бы представители всех социалистических партий.

Собрание рабочих коммунального хозяйства приняло решение, в котором говорилось, что рабочие «решительно протестуют против действий правительства, вооружающего студентов и офицеров для борьбы с пролетариатом. Смертельные враги рабочего класса вооружаются социалистическим правительством против революции. Буржуазия торжествует... Собрание требует немедленной отставки теперешнего правительства»¹⁰⁴. Рабочие, собравшиеся в Гумбольтайне, стремились мирным путём разрешить все вопросы, вызвавшие уличные бои. Они избрали примирительную комиссию, в состав которой вошли спартаковцы, независимые и социал-демократы. Комиссии этой так и не пришлось вступить в переговоры с правительством, которое не хотело мира.

13 января «кровавая собака» Носке ввёл в Берлин белогвардейские войска, и выступление было потоплено в крови революционных рабочих. Тайным приказом Носке по войскам Берлин был разбит на семь районов,

¹⁰¹ См. «Die Rote Fahne», 28 ноября 1928 года.

¹⁰² Приведено в книге R. Müller. Der Bürgerkrieg..., S. 225—226.

¹⁰³ Там же, стр. 223—228.

¹⁰⁴ Müller R. Указ. соч., стр. 59.

в каждом из которых разместились со своими войсками семь белогвардейских генералов. Этим приказом город был отдан реакционной военщине. «Белая бестия была спущена, ничем не стеснённая и не взнузданная, она бушевала. Была дана свобода убийству. Буржуазия к нему подстрекала, а солдатчина исполняла его с зверской кровожадностью... Оказывавшие помощь санитары убивались прикладами и расстреливались»¹⁰⁵. Засевшие в зданиях революционные отряды расстреливались из пушек и тяжёлых миномётов. Вероломно убивались парламентарии. Преследования и аресты революционных рабочих носили массовый характер. Продолжалась травля спартаковцев. Усиленно разыскивались их вожди, к их убийству призывали листовки и газеты, в том числе «Vorwärts».

15 января, в 9½ часов вечера¹⁰⁶, в Вильгельмсдорфе, на улице Мангейм, в квартире Маркусзона, так называемой «гражданской охраной» под командованием лейтенанта Лиднера и при активном участии некоего Меринга, владельца ресторана, были арестованы вожди германского пролетариата Роза Люксембург и Карл Либкнехт. Они были доставлены в помещавшийся в гостинице «Эден» штаб гвардейской кавалерийской дивизии и вскоре, в тот же вечер, были зверски убиты офицерами и унтер-офицерами этого штаба¹⁰⁷.

В. И. Ленин в бичующих словах заклеил это подлое предательство: «Не найти слов для выражения всей мерзости и низости этого палачества, совершаемого якобы социалистами. Очевидно, история избрала такой путь, на котором роль «рабочих лейтенантов» капиталистического класса» должна быть доведена до «последней черты» зверства, низости и подлости»¹⁰⁸.

Анализируя развитие революционного движения в Германии после ноябрьской революции 1918 г., В. И. Ленин рассматривает вооружённые выступления рабочих, имевшие место в этот период, как преждевременные, спровоцированные контрреволюцией, когда «немецких коммунистов перебили свыше 15 000 посредством искусной провокации и ловких манёвров Шейдемана и Носке совместно с буржуазией и монархистами-генералами»¹⁰⁹.

Январское выступление показало силу революционных настроений авангарда рабочего класса. Движение носило глубоко пролетарский характер. Спровоцированный буржуазно-юнкерской контрреволюцией и социал-демократическим правительством на преждевременное выступление авангард революционного пролетариата, истекая кровью, целую неделю упорно сражался на баррикадах.

Характеристика январских боёв как боёв революционного авангарда рабочего класса Германии дана и в постановлении сентябрьской конференции Социалистической единой партии Германии, происходившей 16 сентября 1948 года. В этом постановлении, озаглавленном «Ноябрьская революция и её уроки для немецкого рабочего движения», в пункте 17, говорится: «После ноябрьской революции следовали многочисленные массовые выступления... Революционный авангард в 1918 и 1919 годах вёл упорные бои за развязывание социалистической революции»¹¹⁰.

¹⁰⁵ «Illustrierte Geschichte», стр. 292.

¹⁰⁶ «Der Rote Stern», январь 1929 г., № 2.

¹⁰⁷ Подробности убийства Р. Люксембург и К. Либкнехта см. в сообщении К. Каменецкой, публикуемом в этом же номере журнала.

¹⁰⁸ Ленин. Соч. Т. XXIII, стр. 498.

¹⁰⁹ Ленин. Соч. Т. XXV, стр. 236.

¹¹⁰ «Die Novemberrevolution und ihre Lehren für die deutsche Arbeiterbewegung». Напечатано в качестве приложения к недавно вышедшей книге Отто Гротевоя «Dreissig Jahre später». Berlin. 1948.

При существовавшем тогда соотношении классовых сил рабочие не могли добиться завоевания государственной власти, в бой вступил лишь авангард, которому противостояли превосходившие по численности, прекрасно организованные силы буржуазно-юнкерской контрреволюции. Берлин был окружён белогвардейскими войсками, а провинция не была подготовлена для оказания помощи Берлину.

Буржуазия использовала выгодный для себя момент, чтобы вызвать революционных рабочих на выступление. В. И. Ленин отмечает внешние и внутренние причины, толкавшие революционных рабочих к вооружённой борьбе: «Во-первых и главным образом, международное положение Германии чрезвычайно быстро и резко обострило, начиная с конца 1918 года, её внутренний революционный кризис, толкая авангард пролетариата на немедленное завоевание власти»¹¹¹. Ленин указывает далее, что предательская политика «негодяев «2» и «2½» разряда», проводившаяся ими в период первой мировой войны и особенно накануне и во время ноябрьской революции, вызывала острую ненависть революционных рабочих Германии к социал-демократам. «И эта ненависть — самое благородное, самое великое чувство лучших людей из угнетённой и эксплуатируемой массы — ослепляла людей, не позволяла им рассуждать хладнокровно, вырабатывать свою правильную стратегию в ответ на превосходную стратегию вооружённых, организованных, обученных «русским опытом», подержанных Францией, Англией, Америкой капиталистов Антанты, эта ненависть толкала на преждевременные восстания»¹¹².

А буржуазия использовала эти выступления (как это произошло и в январе в Берлине), ставила ловушки рабочим и убивала их массами. Германские меньшевики — социал-демократы, сидя в правительстве, действовали заодно с контрреволюцией.

В. И. Ленин проводил иногда аналогию между январскими боями в Берлине и июльскими событиями, имевшими место в Петрограде в 1917 году. В письме к рабочим Европы и Америки, указывая на кровавый опыт январских боёв германского пролетариата, В. И. Ленин напоминал об опыте русского пролетариата: «Мы пережили в России летом 1917 г. «июльские дни», когда русские Шейдеманы, меньшевики и эсеры, также «государственно» прикрывали «победу» белогвардейцев над большевиками»¹¹³.

«Германский январь и русский июль» — так было озаглавлено письмо Я. М. Свердлова, посланное им коммунистической партии Германии во время январских боёв в Берлине. В этом письме Я. М. Свердлов также рассматривал январские бои как преждевременное вооружённое выступление авангарда рабочего класса. Обращаясь к рабочим, он писал: «Когда эти строки попадут в ваши руки, великая битва в Германии уже закончится. Битва революционного пролетариата против соединённых сил капиталистической буржуазной и юнкерской реакции... вы в этой борьбе, по всей вероятности, потерпите поражение»¹¹⁴.

Я. М. Свердлов разоблачал откровенный союз между «социалистическим» правительством Германии и представителями мирового империализма. Он писал о сообщении по радио, что «король всех «демократических» обманщиков, президент Вильсон, приветствовал по телеграфу ренегата Эберта за его стойкость в борьбе против германской революции... Становится всё яснее,— писал Я. М. Свердлов,— что это правительство борется на стороне мирового империализма против германской и международной пролетарской революции».

¹¹¹ Ленин. Соч. Т. XXVI, стр. 485.

¹¹² Там же, стр. 486.

¹¹³ Ленин. Соч. Т. XXIII, стр. 498—499.

¹¹⁴ Swerdloff. Der deutsche Januar und der russische Juli. «Die Rote Fahne», 11 февраля 1919 года.

Однако В. И. Ленин и Я. М. Свердлов проводили аналогию между январскими боями в Берлине и июльскими днями в Петрограде лишь в том смысле, что это были преждевременные стихийные выступления рабочего класса, спровоцированные буржуазной контрреволюцией. В январе в Берлине, как и в июле в Петрограде, выступления были подавлены контрреволюцией. Но в силу различного соотношения классовых сил и наличия у российского пролетариата своей действительно революционной партии, партии большевиков, возглавлявшейся гениями пролетариата В. И. Лениным и И. В. Сталиным, эти события занимают различное место в истории освободительной борьбы рабочего класса.

Июльское выступление в Петрограде происходило в условиях перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. Январские же бои в Берлине явились вооружённым выступлением лишь авангарда рабочего класса за дальнейшее развитие революции в Германии. После июльских дней наступил перелом в России в сторону чрезвычайно быстрого приближения к победоносной социалистической революции. Разгром январского выступления авангарда рабочего класса в Германии привёл к длительному торжеству контрреволюции.

О тактике Российской коммунистической партии большевиков в июльские дни И. В. Сталин пишет: «Центральный Комитет нашей партии считал выступление рабочих и солдат в Петрограде при настоящем положении нецелесообразным... Но выступление началось... как партия пролетариата, мы должны были вмешаться в выступление и придать ему мирный и организованный характер»¹¹⁵.

Благодаря теснейшей связи партии с рабочими и солдатами, видевшими в партии своего вождя, большевики сумели повести за собой массы, вывести революционные силы из боя, возглавить движение и дать ему выгодное для революции направление.

Иное положение было в январские дни в Берлине. Предательская социал-демократия расколола и ослабила рабочий класс Германии. КПГ была ещё слишком слаба, чтобы повести за собой массы рабочих. В слабости КПГ сказались тяготевшие над ней люксембургские ошибки. Неправильное организационное построение (территориальное) мешало ей создать прочную базу на предприятиях. Ослабляла партию и её сектантская политика по отношению к советам. Вместо того, чтобы добиваться избрания в советы и завоевывать большинство внутри советов, коммунисты часто выходили из советов даже уже будучи избранными в них, мотивируя свой выход нежеланием работать вместе с социал-демократами. Немаловажную отрицательную роль в деле политического руководства массами сыграло сохранившееся ещё в партии влияние люксембургской теории стихийности.

Благодаря отсутствию последовательной марксистско-ленинской теории и практики КПГ не сумела занять правильной линии поведения в январские дни, которые для неё были первым «боевым крещением».

Центральный комитет КПГ, проанализировав соотношение классовых сил, 4 января вынес решение, в котором говорилось, что партия считает борьбу рабочего класса за завоевание власти преждевременной и обречённой на поражение. Но это совершенно правильное решение не было доведено до рабочих масс, оно даже не было опубликовано в органе КПГ «Die Rote Fahne». Более того, вопреки своему решению, ЦК КПГ на следующий же день, 5 января, вместе с независимцами подписал воззвание, в котором рабочие призывались к оружию для борьбы за власть.

¹¹⁵ И. Сталин. Соч. Т. 3, стр. 108—109.

Это был ошибочный шаг. Как писал В. И. Ленин: «Принимать бой, когда это заведомо выгодно неприятелю, а не нам, есть преступление»¹¹⁶. Ошибка эта усугублялась тем, что для самого Центрального комитета КПГ было достаточно ясно, что правительство провоцировало революционных рабочих и солдат на выступление. Об этом КПГ заявляла в «Die Rote Fahne» в течение ряда дней.

Непоследовательность тактики КПГ выразилась и в том, что, вопреки принятому решению, два члена ЦК, К. Либкнехт и В. Пик, участвовали в Революционном комитете, призывавшем рабочих к вооружённой борьбе за власть, что также должно было дезориентировать революционных рабочих.

Сомнение вызывает также правильность лозунга ЦК КПГ о перевыборах советов, который был дан уже в дни вооружённой борьбы (9 января), когда конгресс-революция уже начала разгром движения. Перевыборы советов в обстановке белого террора не могли дать желательных результатов.

Осуществлявшаяся ЦК КПГ тактика совместного выступления с независимцами могла быть оправданной только в том случае, если бы такая тактика помогла помешать провокации, удержать революционный авангард от выступления в таких условиях, которые были выгодны контрреволюции.

КПГ была против вооружённого выступления. Но когда борьба началась, члены КПГ поступили правильно, что влились в ряды борющихся рабочих, вместе с ними не на жизнь, а на смерть дрались против контрреволюции.

Расправой с рабочими руководили правые социал-демократы. Носке до конца своей подлой жизни гордился своими «заслугами» в деле кровавого подавления революционного движения в Германии после ноябрьской революции. В своих воспоминаниях, опубликованных в 1947 г., уже после его смерти¹¹⁷, Носке писал: «Если бы я, овладев боевым красным знаменем, понёс его вперёд, из Киля по всей Германии пронёсся бы вихрь, силу которого едва ли можно себе теперь представить... Но вместо него я создал инструмент, при помощи которого большевизм был подавлен».

Предательская политика правых социал-демократов способствовала укреплению господства империалистической буржуазии и прусско-юнкерской военщины, установивших впоследствии свою кровавую военную диктатуру в форме фашизма. Гитлер пришёл к власти на плечах социал-демократов. Недаром Гитлер высоко ценил палаческую деятельность Носке, наградив его железным крестом.

Губительную политику шейдемановцев восприняли современные правые социал-демократы, шумахеры и олленгауэры. Они выступают в лагере мировой реакции против Советского Союза, продолжая фашистскую кампанию антикоммунистической лжи и клеветы. Шумахеровцы пошли ещё дальше шейдемановцев в служении англо-американскому империализму. Своим признанием плана Маршалла они подчиняют немецкий народ долларовому империализму США и предают интересы своей страны, своего народа, лучшие представители которого борются за единую демократическую Германию.

¹¹⁶ Ленин. Соч. Т. XXV, стр. 217.

¹¹⁷ Noske G. Erlebtes aus Aufstieg und Niedergang einer Demokratie, S. 71. 72. 1947. Цит. по Otto Grote wohl. Dreissig Jahre später. Die Novemberrevolution und die Lehren der deutschen Arbeiterbewegung, S. 82.